

*Дни бегут за годами, годы за днями, от одной
туманной бездны к другой.*

*Все наши чувства и мысли, образы, радости и
заблуждения – следуют за нами!*

Но скорбь уходит. Вечность остаётся.

Б. Зайцев

*Что ж ты машешь ручонкою из бездонного
прошлого?..*

Т. Зульфикаров

БАБУШКИ-УЛИНЫ КОРЖИКИ

С конца прошлого века среди «новых русских» стало очень модно (слово-то какое!) удивлять единомышленников (и тем более – завистников из своего стана и противоположного) *продвинутостью* в различных заморских кухнях. «Непродвинутый», пожалуй, и не поймёт, о чём это с таким жаром вещают они, гламурные.

А я... всё чаще и чаще возвращаюсь мысленно в своё военное и послевоенное детство. Вкус этого времени – через всю жизнь.

Какими волшебными яствами казались щи из молодой майской крапивы... борщ из свекольной ботвы и щавеля... оладьи из картофельных очистков... клюквенный кисель (клюкву собирали сами на лесных болотах и картофельный крахмал делали сами)... А ржаной пирог с паслёном!.. А хвойный или мятный чай!.. Сладостей да и просто сахара не знали. Иногда, в лучшем случае, услаждали жизнь сахарином.

Почти генной памятью для меня (а через меня – детям, внукам) стал один рецепт моей бабушки Ули.

Впервые я вкусила этого волшебства на Новый 1946 год. Это были коржики: ржаная мука, соль, маргарин и... бабушкина душа. Никакое печенье, никакое пирожное, никакой торт – ничто не казалось и позже таким вкусным, как эти бабушки-Улины коржики – рассыпчато-хрустящие, пахнущие родным домом...

Так получилось, что я с шестнадцати лет начала самостоятельную жизнь в Москве, а наша семья кочевала – в силу папиной службы – по всем военно-морским базам Отечества.

Чтобы я не особенно скучала в отрыве от родных, мне постоянно (три-четыре раза в год) любовно собирались и отправлялись посылки, в которых всегда (обязательно!) были бабушки-Улины коржики. В вузе эти посылки я делила с друзьями.

Потом, когда создалась моя личная семья, по бабушкиному рецепту коржики готовила я сама. Эти коржики всем моим домочадцам казались тоже вкуснее всего магазинного печива.

Ушла из жизни наша Ульяна Павловна, но вопреки этому посылки с её коржиками приходили: их пекла моя мама.

Настал момент, когда ни таинство выпечки, ни отправку посылок некому стало осуществлять. И всё равно то дети мои, то внуки нет-нет да и попросят:

– Нам бы бабушки-Улины коржики!

И получают их. И радуются. *У нас* это самая большая мода. Рецепт не утерян!

2012 г.

СУЧОК И БРЕВНО В ГЛАЗЕ

Сегодня я глубоко поняла, что новозаветная притча о сучке и бревне в глазу – это обо мне.

Всю жизнь была убеждена, что некоторые заповеди Библии (такие как «не укради»; «...не пожелай... дому ближняго твоего... ни всего, елика суть ближняго твоего»; «не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна») никак ко мне не относятся. Однако, видимо; зрело и прозрело-таки в душе понимание неотделимости моей от всего рода человеческого, ущербность которого видело Небо и во спасение которого были посланы Десять Заповедей.

Сегодня, вдруг, словно кипятком ошпарило – увидела себя шестилетнюю.

Война. Эвакуация. Симбирские леса. Татарская деревня. Дом Рамили. На подоконнике – чудесные фарфоровые статуэтки. Прекраснее всего – восточная красавица с длинными смоляными косами и кувшином на плече. А я мечтала в ту пору о кукле, но её всё не было и не было. Даже на Новый год задуманное желание не сбылось.

Руки сами собой потянулись к хрупкому великолепию. Я целовала, гладила, прижимала к своей груди чаровницу. Не могла никак с ней расстаться и... убежала с ней к Халиде, которая приютила нас, эвакуированных.

И тут начались мои душевные метания. Мучительное, всенарастающее, изгрызающее чувство (я тогда не знала, что у всех людей есть *совесть*) поселилось во мне. Наконец я не выдержала и решила: надо вернуть статуэтку в дом Рамили. Но как? Может там уже спохватились, обнаружили пропажу, догадались о воре, а тут – на тебе? – я... Все сразу всё поймут.

И всё же совесть так испепеляюще меня обличала, что я уже сдалась: ну и пусть все всё поймут! Только бы вернуть *не моё!*.. Вернула. И меня вроде никто не застал на месте преступления. Но как до сих пор меня обличает эта *моя совесть!* Значит, и я *могу украсть*.

А я ещё могу и *лгать*. Да ещё как!..

И опять обожгло. Это уже школьные годы. Мне лет двенадцать. Учительница, – Надия Кальинивна, – ведущая факультатив по украинскому языку и украинской литературе, готовила торжество ко Дню Победы. Она, очевидно, была уверена в грандиозности своего замысла. Он заключался в том, что на Празднике (сейчас сказали бы – на Презентации) её ученицы представили бы повесть Э. Казакевича «Звезда».

По прочтении этой книги о войне, я не могла согласиться с трагическими судьбами героев. Видно, уже тогда меня захватывало собственное сочинительство.

Вышла на сцену и стала сочинять (вернее – врать!) такое!..

Конечно, это была торжествующая победная баллада, но – увы! – ничем не совпадающая с Казакевичем.

Надия Кальинивна покраснела, бледнела, хваталась за голову... А я всё сочиняла и сочиняла... Я самозабвенно врала.

Не знаю, как тогда меня не наказали. Почему и после майского «*торжества*» от меня не отреклась моя учительница?

Мне стыдно и сейчас. Но склонность свою к выдумке я реализую в своих стихах и новеллах, которые – по духовной своей сути – правдивы, но так отличаются от конкретики, из которой они вырастают!..

2012 г.

МУХА... УХО... СУБА... САПКА...

Моя персональная трудовая деятельность начиналась в одном НИИ. При всей серьёзности и глубинности науки, в которой сосредоточил силы институт, там случались и удивительные всплески бытового юмора.

Вспомнилось... Иду получить спектрограмму из своей химической лаборатории к физхимикам. Мой путь – мимо приёмной директора.

Знакомый голос. Узнаю: заведующий аналитикой – профессор Муш. Блистательный исследователь, но... бедный косноязычный человек! Эти неповторимые, визгливо-высокие, срывающиеся ноты... Из тридцати трёх букв алфавита профессор Муш более половины произносит с дефектом.

Сейчас он кому-то по телефону старается донести свою очень короткую фамилию без искажения. Видно, на другом конце провода его никак не могут понять. И бедняга надрывается:

– Говолит Мус, Мусс! Да не тот Мусс, сто сенá. А тот Мусс, сто... – передаю по буквам: Муха... ухо... суба... сапка... Сапка! Повтоляю: Сапка! Понимаете: Сап-ка!

Обессиленная от смеха, я еле добираюсь до физхимиков.

«Суба-сапка» порою звучит во мне, словно привет из многоцветной молодости.

И ещё вспоминается одно профсоюзно-комсомольское собрание.

«Разбирают» недостойное поведение молодых научных сотрудников, которые «подают дурной пример своей позорной личной жизнью и разлагают молодёжь».

«Разбор» длится уже более двух часов. Чей-то умоляюще-утомлённый голос:

– Хватит! Зачем копать в чужом белье? Не наше это дело!

И над всем шумом – осуждающий, пронзительный голос Муша:

– Нет, постойте, товалисти! Это се бесумно интелесно: снать, с кем спят насы комсомолки!..

То, наше, парадоксальное время!..

2012 г.

КАКОЙ ГУБЫ, КАКОЙ ЗУБЫ!..

Когда ты молода, полна сил и должна переделать в сутки несметное количество дел, тебе всегда не хватает времени на отдых. Ты всё мечтаешь о том, чтобы всласть выспаться. И вот – наконец! – пенсионная пора. Лет тебе уже немало. И тут судьба не скупится на свободное время: дети и внуки выросли, муж покинул этот мир. Ты оказалась в Доме Ветеранов Труда. Отдельная комната. Готовая пища. Медицинское обслуживание. И день, и ночь в полном твоём распоряжении. Однако, оказывается, ты не умеешь спокойно и с удовольствием спать. Вся твоя сущность помнит лишь состояние активного труда. Обретена стойкая бессонница. Кровь несёт по сосудам в мозг воспомина-ния... воспоминания... воспоминания... К тому же за окном – аномальный, парадоксальный век. Аномальное солнце. Аномальная луна. Аномальная погода. Аномальный климат.

Ты прессуешься и этими аномалиями, и вполне законо-мерными недугами. Среди всего этого обилия современно-го бытия ты – такая маленькая на большой фундамен-тальной кровати! – с огромным грузом памяти, в которой – всё случившееся с тобою. Радостное. Грустное. Словом, жиз-ненное, т. е. трагикомическое, как сама жизнь.

Сегодня тоже ночь без сна. Вспомнился один забавный случай, приключившийся со мной в пору молодости.

Май завершал свои дела, готовя встречу пышного лета. Повсюду витал дух буйного цветения. Лёгкий ветер играл с облаками, сгоняя их в тучи, сверкая молниями под гром-кое рычание, но никому не было страшно. Всё и вся, омытое весёлым дождём, блистало от счастья.

Я ехала в трёхнедельный отпуск на юг страны, в старин-ный приморский город. Там меня ждали мои родные люди и моя двухлетняя дочь, принимавшая лечение после кру-позного воспаления лёгких. Ехала я не одна, а с шестилет-ним сыном.

В уютном вагонном купе надо было провести сутки. У меня было дорожное чтиво, у сына – баул с игрушками: детская железная дорога, машины разнообразные, светорфоры и т. д. и т. п. Словом, мы были настроены на нескучное путешествие. И оно действительно получилось весьма нескучным.

Нашими соседями оказались доброжелательные, спокойные люди: старый северный охотник и балтийский моряк. Я и старик занимали нижние полки, а молодёжь – мой сын и морячок – верхние.

Под мерный стук колёс вкусно спалось, непринуждённо беседовалось. И картины, проплывающие мимо вагонного окна, воспринимались путешественниками как цветное кино. Музыкальным сопровождением мы были также одарены: морячок не переставал мурлыкать «На побывку едет молодой моряк...»

Первое удивительное событие мы пережили перед ночным сном. Северный охотник после многочасовой беседы со мной, после большого, традиционного в пути, чаепития и в процессе тщательной подготовки ко сну (умывание, чистка зубов, переодевание в пижаму) совершил нечто непредвиденное. Движением фокусника он прикоснулся к своему глазу и... в стакане с водой – его глаз! Как оказалось, охотник потерял глаз в одном из походов на зверя. Протез был так хорош, что никто из нас вначале не заметил увечья. Мой сын долго находился в потрясении. Он заставил старика раза три повторить рассказ о злополучной охоте.

Ночь прошла без всяких неожиданностей.

После утреннего чая нас в купе осталось трое: морячок сошёл на какой-то маленькой станции, унеся с собой вдохновенное «На побывку едет молодой моряк...» И всё же его песня осталась с нами.

Купе успело сделаться для нас почти родным домом. Светло на душе. Радостно на сердце в предвкушении долгожданных встреч и целительного отпуска.

Упоительная дремота после обеда была прервана резким звуком открывающейся двери. У входа в купе стоял очень высокий человек в белом костюме-«тройке». Невероятно красивый: смуглый, черноволосый, с миндалевидными бархатными глазами, белозубой улыбкой. Мне почему-то подумалось: «Просто чистокровный перс какой-то. Киноартист? Дипломат?»

Незнакомец обращался явно исключительно ко мне:

– В купе свободное место? Не возражаете, если я до конца пути составлю Вам компанию?

Говоривший с восточным акцентом сразу всех нас расположил к себе. Слаженным ансамблем мы ответили:

– Конечно, конечно! Входите!

И я, улыбаясь, подтвердила:

– Да, да. Устраивайтесь, пожалуйста!

Всё, что произошло далее, оказалось просто потрясением и врезалось в мою память (думаю, не только мою) на всю жизнь.

«Перс» проигнорировал и моего «глазастого» сына, с любопытством свешивающегося с верхней полки, и старика с нижней полки.

Новый пассажир, облюбовав место на моей полке, буквально плюхнулся рядом со мною, небрежно забросив перед этим на бывшее место морячка свой шикарный кожаный чемодан. Плюхнулся и тут же вытащил из внутреннего кармана пиджака фляжку с коньяком и, затягиваясь напитком, словно сигарой, то отнимал фляжку ото рта, то вновь притягивался к ней с наслаждением. Во время этого «ритуального» действия преобразующийся наш новый спутник-«перс» (то ли артист, то ли дипломат, по моему первоначальному предположению) всё теснил и теснил меня в угол полки, к окну, приговаривая при этом:

– Ах, ка-а-кой гу-у-бы! Ка-а-кой зу-у-бы!

Я была загнана в угол (в прямом и переносном смысле). Казалось, уже нечем дышать, а на меня всё обрушивалась и

обрушивалась удушливая волна алкоголя «высокого градуса».

Очевидно, ценитель губ и зубов был в таком решительном настроении, когда и море по колено и хочется повышать и повышать тонизирующие «градусы».

На приоконном столике стояла бутылка с моим лекарством для лечения желудочно-кишечных заболеваний: травяной настой (алоэ и другие растения) на спирту, который мне надлежало принимать по чайной ложке три раза в день. Большие дозы этого лекарства вызывают тяжёлые побочные действия: «медвежью» болезнь, ветрогонный эффект, алкогольное отравление. Но моему нечаянному спутнику не хотелось мелочиться, а посему он опорожнил бутылку одним махом. В нём бурлили уже не человеческие, но звериные страсти. Рыча и закатывая глаза, он выхватил откуда-то «финку» и, приставив её к моему горлу, стал неистово твердить:

– Ах, ка-а-кой гу-у-бы! Ка-а-кой зу-у-бы!.. И-и-ди ко ме-э-не-э-э!

Образ артиста или дипломата я создала – увы! – ошибочно. Рядом со мною действовал – безусловно! – уголовник в красивом дорогом костюме. На что я могла надеяться? Охотник был выставлен «персом» за дверь. Мой сын, правда, оставался пока незамеченным, но что будет с его нервами при виде покушения на мать? Мне было страшно и за себя, и – особенно! – за сына.

Тут мой малыш соскользнул с верхней полки и, сказав скороговоркой «Я в туалет!», исчез.

Через несколько минут в купе была целая бригада: начальник поезда, проводник и линейная милиция. Мой малолетний сын спас «любимую маму».

Разбушевавшегося моего «поклонника» обезопасили и увели.

В купе снова царила добрая атмосфера. Нас снова было трое: старый охотник, я и мой сын.

Вот тут-то меня по-настоящему охватил панический страх – последствие, так сказать. Меня буквально колотило. Я закрыла дверь на все замки и до самого прибытия поезда в приморский город не могла успокоиться. Даже когда в окне показался знакомый вокзал, я ещё не пришла в себя.

В купе уже стучали мои родственники, меня дёргал за рукав блузки взволнованный охотник, требуя выпустить его, а я всё не открывала дверь.

Мало-помалу успокоение стало приходить ко мне только в доме родственников. Казалось бы, всем страхам пришёл конец, но нет – половину отпуска я боялась выходить на улицу, всё мерещился мой преследователь, всё думалось: «А вдруг его выпустила милиция и он меня настойчиво ищет, чтобы отомстить за задержание?»

И всё же – вопреки всем страхам! – во мне жила радость и гордость за моё чадо. Я поняла, что у меня растёт настоящий защитник и – если пользоваться литературными штампами, – «рыцарь без страха и упрёка!»

А это дорожное траги-комическое приключение... Ну да, опять – в который раз! – я расплачивалась за свою наивную доверчивость и распахнутость, за улыбку «во весь рот»... А всё так просто: я изначально была настроена – домашним воспитанием, книгами и фильмами моего детства и юности – на добрых и светлых людей и не видела, и не хотела видеть ничего дурного. Мудрость приходила через ошибки.

Да... Опять бессонная ночь в аномальную пору мою и... вселенскую. И опять воспоминания. И опять утверждаюсь в мысли, что из любой, самой трудной ситуации есть несколько выходов. Какой выбрать?..

2012 г.

ЮРА ПЛЮС НЮРА...

Удивительные человеческие встречи случались, случаются и могут случиться несчётное количество раз ещё здесь, на земном пути. Где угодно. В столицах, крупных и совсем крошечных, провинциальных городках, безвестных сёлах... И огромность, чистота высекаемого от встречи человеческого чувства не зависит от того, где это произошло. Как говорила, кажется, Жорж Санд, «чистота пламени не зависит от того, кто над ним греет руки».

Встреча, о которой поведают вам эти страницы, произошла в ближнем Подмосковье, в посёлке городского типа (ныне это новый район Москвы).

Шло последнее десятилетие советского государства. На пороге стояла «Эра Демократических Преобразований».

Посёлок был небольшой. Местные жители знали друг друга, по крайней мере, в лицо. Жизнь каждого была на виду у всех. Появлявшийся вдруг новичок тут же вызывал интерес всего посёлка.

Работы для подрастающего поколения в посёлке не было и не предвиделось. Все места были прочно заняты сторожилками, людьми «в возрасте». Да и что это за рабочие места? Больничка коек на пятьдесят. Поликлиника с двумя бригадами «скорой», в составе которых – те же врачи и медсёстры, что в больнице и поликлинике. Были ещё магазины «Продукты» и «Универмаг», ЖЭК, «Почта», «Парикмахерская», «Милиция», «Библиотека», школа...

Только всё это – давно укомплектованные штаты. Люди тут почти не менялись, разве только уходил кто-то в мир иной.

Почти всё работоспособное население (молодого и среднего возраста) с утра устремлялось в столицу, а вечером толпой возвращалось на свою малую родину, в этот самый посёлок городского типа.

Анна Ивановна оказалась в этих местах незадолго до Перестройки: её муж был направлен сюда Минздравом СССР на должность главврача и хирурга больницы, где вскоре стал непререкаемым авторитетом. Ему буквально поклонялись, его боготворили. Свет этой любви был так велик, что его хватало и на докторскую семью – жену и двух детей-малолеток. Ну просто идиллия какая-то, но вдруг... произошло то, чего уж никак не должно было случиться с такой исключительно достойной семьёй. Что? Уважаемый доктор влюбился, вернее, его «окрутила» и влюбила в себя медсестра Надька-шалава. Так влюбился-отуманился «разнесчастный» доктор, что решил даже уйти из семьи и создать новую. Да не успел. Помешал Колька – «Надькин мужик», ревнивец, пьяница, задира, бывший зэк, время от времени подрабатывающий грузчиком в продуктовом магазине. Колька этот, услышав пересуды о своей «законной», подстерёг главврача после ночного дежурства, и, выясняя отношения, в пьяном «запале» прикончил соперника.

Невероятная, казалось бы, страшная история. Однако это случилось. И ничего нельзя было поправить. Колька снова попал в стосковавшиеся по нём «казённые места». Надька, хоть и шалава бесстыжая, а всё-таки не смогла вынести всеобщего осуждения земляков и уехала куда-то на Урал к родственникам.

– Уела-таки совесть змею подколодную! – сообщали новость жители посёлка друг другу, с гордостью считая себя причастными к такому завершению криминальных событий.

Анну Ивановну все жалели:

– Ох, бедная-бедная наша докторша, голубушка! Ох, ну отчего же не везёт в жизни хорошим-то людям? И уж какая умница, учёная-преучёная! И уж какая красавица – прямо тебе Орлова, только лучше! И уж какая обходительная да сострадательная!.. И куда ж теперь она, вдовушка разнесчастная, с двумя-то деточками?..

Анна Ивановна осталась в прежней своей квартире в единственном высотном (в четырнадцать этажей!) доме посёлка, выстроенном для местной «элиты». Была она круглой сиротой и некуда ей было уезжать, прячась от воспоминаний. Да и понимала она, что, как говорится, от себя никуда не уйти. Поэтому и было принято одно-единственное, безусловно, самое верное решение: «Надо ещё больше загрузить себя работой!» Она и загрузила.

Сын ходил в местную школу, оставаясь после уроков «на продлёнке». Дочь уже давно привыкла к детсаду, из которого её вместе со своими двойняшками забирала соседка, для которой «голубушка Анна Ванна» была «роднее родной сестры».

Кем по специальности была докторская вдова, в посёлке толком никто не знал, но все были убеждены в её сверхчужности. И в самом деле, была Анна Ивановна специалистом (высококласным!) по древним языкам, а потому работы в посёлке для неё уж точно никогда не могло найтись. Вот почему каждое утро, не позже 7.30, должна была она находиться на остановке экспресса, идущего на Москву. Экспресс был дорогим и всегда переполненным, но... что поделаешь? Иного выхода не сыскать! Так и жила «бедная голубушка»: в вечной спешке, автобусной давке, предельной загруженности работой, трудах великих, заботах о детях... Жила, как многие соотечественницы.

На третьем году её вдовства «дорожная ситуация» вдруг улучшилась: почти рядом с её домом стал останавливаться служебный автобус, отвозившей в столицу рабочих на какую-то крупную стройку. Это были в основном крановщики, монтажники, каменщики, шофёры. На несколько свободных мест водитель отобрал (для подработки, «левого» заработка!) приглянувшихся ему поселковцев, среди которых была и Анна Ивановна. Этот автобус (недорогой и удобный во всех отношениях) казался ей «Божьим даром», ниспосланным в момент, когда её силы иссякали.

Состав попутчиков был постоянным. Все здоровались друг с другом, порою даже просили водителя подождать минуту-другую того, кто почему-то задерживался.

Однажды среди «работяг» появился новичок. Однако, видно, для всех, кроме Анны Ивановны, он был свой, старожил, где-то давно пропадавший, а теперь снова вернувшийся в родные края.

Новичок этот очень походил на героев знаменитого всеобщего любимца Николая Рыбникова. Сразу было видно, что душа у него широкая и светлая.

Автобусная «команда» была шумной и «семейственной»: громкий обмен новостями, громкое хоровое пение популярных песен...

Вскоре Анна Ивановна знала по именам всех своих попутчиков. К «двойнику» Николая Рыбникова приятели обращались: «Юрастик!» Понятно: паспортное его имя было «Юрий».

Так как пассажирами «спецавтобуса» являлись мужчины, если не считать немолодой великанши Полины – механика из трамвайного депо – да Анны Ивановны, то неудивительно, что последняя – молодая и красивая – пользовалась особым вниманием со стороны здоровых и энергичных мужиков.

Только Анна Ивановна этого будто и не замечала. У неё было достаточно своих жизненных проблем и о такой глупости, как «ох как ты мне нравишься!», она и не помышляла. А это, кстати, ещё сильнее раззодарило «добрых молодцев».

Мелькали дни, недели, месяцы... Сезон за сезоном!..

«Судьбоносный» день пришёлся на июньское воскресенье. В посёлке, утопающем в зелени, носился хмельной сиреневый дух, который долетал даже до четырнадцатого этажа, где жила молодая вдова со своими малолетними сиротами.

Дети играли на балконе с соседскими ребяташками. Анна Ивановна угощала чаем свою подругу – учительницу

английского языка Елену Сергеевну и вела с нею задушевную беседу о новых удивительных археологических находках, о талантливых расшифровках надписей на каких-то уникальных древних вазах...

Вдруг их беседу прервал настойчивый дверной звонок. Да не просто настойчивый, а какой-то истошный, истеричный.

Хозяйка никого в этот день не приглашала, кроме Елены Сергеевны. Кто бы это? И всё же, так как она была не одна, а с подругой и время было непозднее, то смело открыла двери. На пороге стоял «почти Рыбников» – при «параде», с огромным, неправдоподобно огромным, букетом сирени.

– Можно войти?

– А Вам кого?

– Мне тебя, Ньюра!

Анна Ивановна онемела от удивления. А «Рыбников», приобняв её свободной рукой за плечи, слегка подталкивал с порога в коридор, а затем и в зал, где у чайного стола сидела Елена Сергеевна, или Лёля, как Анна Ивановна попросту называла подругу.

– Экий герой! Да ты, наверное, всю кладбищенскую сирень обломал? – воскликнула Лёля, обращаясь к незваному гостю «на ты», потому что она, как выяснилось после, давно его знала. Вообще, надо сказать, у этой «англичанки» вовсе не было положенной, по утвердившемуся мнению, английской чопорности: она любила сочные остроты, шутки, даже «поддёвки» в разговоре со знакомыми людьми.

«Юрастик» обиделся. Он, ткнув букет Анне Ивановне со словами «Это тебе!», обратил свой, пылающий обидой, взор на Елену Сергеевну и стал бурно её корить:

– Это если я, значит, простой шофёр, то и понятий о чести и совести никаких не имею? А я, хотите знать, человек верующий и не стал бы упокойников красоты благодатной лишать! Вы что же думаете, если у вас, шибко учёных, большие библиотеки в модных «стенках» да на столе стопки умных книжек, то можете надо мной насмешки насмешни-

чать? А у меня, может, брат родной историк археологии и книжек у него умных – пруд пруди! И я их у него беру да читаю. Вот щчас вмиг добегу до своей квартиры да и принесу показать вам книги, которые читаю. А Вы, Елена Сергевна, хоть и в школе служить изволите, но понятия не имеете о том, что у нас на душе, у простых-то людей! И что Вы встречаете в наши с Нюрой отношения? Я, может, влюблён сильнее Ромео и соображаю не меньше Гамлёта?!

С этими словами «Юрастик» выскочил из квартиры Анны Ивановны, которую он упорно называл Нюрой, чтобы через пятнадцать-двадцать минут вернуться со стопкой книг в старинных переплётах.

– Видишь? Шлиман! Видишь? Костомаров! Видишь? Дарвин! Видишь? Пушкин – девятнадцатый век! Гляди, Нюр, гляди! Видишь? Ты не слушай её, свою другиню! Мало чего она тебе нашипит. У нас с ней старые счёты!

– Как Вы меня нашли, Юрий? Зачем?

– Как зачем? Да влюбился я! Ты мне, Нюр, по-настоящему нравишься. Спать перестал! А нашёл-то как?.. Да проще простого! Тебя каждый в посёлке знает. И ко мне все доверие имеют – доложили обо всём. Да я тебя ни за что никому в обиду не дам!

В этот день влюблённого шофёра с помощью подруги Анны Ивановна смогла уговорить оставить её квартиру. Чтобы не обидеть его, сослалась на плохое самочувствие и на необходимость покормить и искупать детей перед сном и новой неделей, а также на то, что и самой ей надо лечь пораньше, так как утром предстоит рано вставать на работу.

Юрий пятился спиной к входной двери, собачьими глазами смотрел на Анну Ивановну, делая странные, как бы успокаивающие её жесты рукой и приговаривал:

– Я всё понимаю, Нюр! Всё понимаю! Ты только не волнуйся, пожалуйста. Выспишься сегодня, здоровье чуток подправишь, а я после приду. Никуда мы с тобой друг от друга не денемся, наговоримся ещё вдоволь. Я тебе всё

про себя расскажу. Юра не аферист какой. Юра – кремень. У меня всё основательно, всё без обмана.

Этот воскресный «сюрприз», этот шквальный напор... Всё это ввело Анну Ивановну сначала в состояние транса, а ночью – в бессоницу со страшным сердцебиением: хоть «скорую» вызывай!

Елена Сергеевна перед уходом поспешила рассказать ошеломлённой подруге всё, что знала об этом странном человеке, вломившемся в приличный дом без приглашения. Анне Ивановне стало известно, что лет семь тому назад Юрий (будучи очень молодым человеком, умельцем на все руки, хорошим рисовальщиком) сколотил вокруг себя компанию из подобных себе «интеллектуалов» и – то ли по дурусти, то ли по авантюрно-романтическому настрою, то ли ещё по каким-то иным соображениям – стал вместе с дружками изготавливать листовки с текстом: «Долой Брежнева! Да здравствует Фантомас!» И началось!.. Поселковая милиция... кэбэбэшники... Комиссия за комиссией... Разбирательство... разбирательство... Шума наделала эта непонятная выходка! Влетело всем – мало не покажется! А Юрия – как зачинщика – судили и отправили куда-то на далёкий Север. Вот он только недавно вернулся, с новой хорошей профессией – «шофёр-дальнобойщик». Только, видно, с головой опять проблемы. Вот ведь что устроил в свободный от работы день в приличном доме!

Поразмыслив бессонной ночью о случившемся, Анна Ивановна вошла в утро с убеждением: «Да это просто эпизод. И всё. Ничего больше. Ну нашла какая-то дурь на парня. Больше этого уже не повторится. Конечно же нет!»

Юрий всё решил иначе, а именно, что не даст погибнуть «Радости Радостей». А так как он был «камень», то стал изо дня в день высекать из жизни своё заветное.

Анна Ивановна перестала ездить на удобном автобусе и вернулась к старой своей «транспортной практике»: вновь по утрам «штурмовала» экспресс». Это усложнило её жизнь, но надо было во что бы то ни стало избегать

влюблённого упрямца. Но... упрямец – он и есть упрямец! Он стал по вечерам в будни и днём в выходные звонить «зазнобе» в двери, а если не открывали ему, то долго-долго причитал:

– Нюр, выдь! Нюр, выдь! Да я же тебя так уважаю! Да ты же для меня... Кто? Хочешь знать? Ты же больше Анны Иоанновны! Думаешь, я неуч? Знаю, знаю, я про эту царицу! А ты главное для меня для всех цариц. Ты же первая на свете красавица. Златовласка – да! – Златовласка ты! Ничего, что худенькая. Я вот свезу тебя к тётке в деревню под Тверь, так ты там вес хороший наберёшь. У тётки – корова, куры, гуси! Она тебя откормит! И детёнышей твоих своими родными запишу. Я им хорошим отцом буду. Тётка у меня добрая. Она маманина родная сестра. Маманя-то из-за меня от горя померла, а тётка всё для меня в её память сделает. У неё детей-то своих нет, а она их страсть как любит. Выдь, Нюр! Ну выдь! Христом-Богом прошу!

Анна Ивановна крепилась, не открывала дверей. Как же она стыдилась соседей: ведь слушают – в который раз! – этот «концерт». Ох, позор!

Как-то Анна Ивановна была на балконе, когда раздался очередной звонок в двери. Она звонка не слышала, а дети слышали и открыли двери:

– Входите, дядя! Мама на балконе. Сейчас позовём.

И тут уж никуда Анна Ивановна не смогла скрыться. Юрий торжествовал. В этот раз он – наконец-то! – смог рассказать любимой всю свою нескладную жизнь. И не просто рассказать, но и для достоверности, наглядности изобразить многие из своих «заключений» на бумаге, которую выпросил у детей:

– Вот гляди, Нюр. Вот это мой лагерь на Севере. Вот – видишь? – вышка с автоматчиком. Тут мой барак. Это – по периметру – «колючка». Здесь – ворота. Всё помню. Веришь? Каждую ночь сон про это вижу. Но ты не думай, что я урка – я по политической части. И не такие, как я, настоящие профессора да артисты там были. С некоторыми великими я такие

душевные беседы вёл!.. Выходи за меня, Нюр! Нюрочка моя ты бедная! Тебе, я знаю, тоже хлебнуть пришлось. Королевой будешь у меня со всеми наследниками! Клянусь маманей!

После этого «свидания» в подъезде дома Анны Ивановны, на стенах всех этажей, появилась надпись (зря что ли Юрий был рисовальщиком?): «Юра плюс Нюра – большая семья!» Надпись была обрамлена венком из полевых цветов: лютиков, колокольчиков, васильков. Всё – в цвете. Мастер постарался!

Кто-то замазывал надпись – уничтожал Искусство! – но через день-два крик Юриной души вновь материализовался в «наскальной графике».

Так продолжалось больше года. Только вдруг неожиданно жизнь Анны Ивановны преобразилась: судьба послала ей защитника. Этот, такой, как и она, истосковавшийся в сиротском одиночестве человек, стал для неё тем, о ком поётся: «На тебе сошёл клином белый свет!» И так Анна Ивановна поверила этому человеку – «самому умному и родному» – что доверилась ему безоглядно и стала его женой. Это был брак, который, как говорится, «свершается на Небесах». Это было выстраданное счастье, подаренное двоим людям, чтобы они не разуверились в том, что справедливость на свете существует, как существует и воздаяние за страдания и терпение.

Юрия весть о Нюрином замужестве потрясла. Он не знал, что с собой поделаться.

Теперь его Нюра жила в соседнем посёлке, в академическом городке. И просто так в её дом не попадёшь. Юрий стал её подкарауливать. И однажды всё-таки смог с ней поговорить у её подъезда.

– Постой, Нюр, не торопись! Задержись на чуточку! Ведь вот как вышло, Нюр!.. Но я тебя не виню: ты имеешь право на счастье. Только мне-то что теперь делать?.. Вот собираюсь завербоваться на Север. Как думаешь про это? Советуешь?

– Вы простите меня, Юра, за всё. Знаю, что Вы тоже заслуживаете счастья. Поступайте, как сердце Вам подска-

зывает. Может, и впрямь лучше Вам уехать от меня подальше...

Юрий исчез из жизни Анны Ивановны. А потом из жизни исчезла и она. Совсем исчезла. Навсегда. Вся семья её исчезла: через семь счастливых – фантастически счастливых! – лет, обкатывая купленную машину, всё семейство попало в дорожную катастрофу и...

Когда Юрий вернулся с Севера и узнал, что его Нюры нет и больше не будет на этом свете, он страшно запил и его однажды нашли бездыханным, взломав двери в его холостяцкую квартиру.

Теперь все влюблённые из этого повествования лежат на одном подмосковном кладбище (вернее – на московском, так как это уже новый район столицы). Старожилы бывшего «посёлка городского типа» довольно часто вспоминают историю «бедной голубки-докторши», её мужа и нового семейства, безнадежно влюблённого «Юрастика». Им кажется теперь эта история мистической: всё связано с транспортом:

– Посмотрите, Юра – шофёр. Встретил он свою любовь в автобусе. Занюба его со своей новой семьёй погибла в автокатастрофе. Разве не мистика?

Но больше всего поселковцы любят вспоминать и рассказывать непосвящённым о той, неуничтожаемой, надписи «Юра плюс Нюра – большая семья!» И когда они посещают свои дорогие могилы на местном кладбище, то обязательно наведываются и к «незабвенным землякам» и проникновенно, как экскурсоводы, говорят:

– А здесь вот лежат те самые «Юра плюс Нюра!»

И кто утверждал, что параллельные линии не пересекаются, а если и пересекаются, то только в далёком космическом пространстве? Ведь вот и здесь, на земле, эти влюблённые пересеклись и теперь, по справедливости, навеки вместе! Любовь – если она и впрямь любовь! – никогда не расстаётся с избранными ею.

2012 г.

ГРУШЕВАЯ РОЩА

Светлой памяти друзей молодости

Ещё одно повествование о любви?.. Да о чём же ещё, если не о ней – богине жизни?!
Это было очень давно – в середине шестидесятых двадцатого столетия.

По земле шествовал май. Такой молодой, такой шумный и дерзкий! В горах, на юге страны, в которой люди всё ещё не отучились от многолетней привычки к осторожному шёпоту, он совсем разухарился: всё, что могло цвести, буйно цвело и казалось, будто весь белый свет затоплен садами в подвенечном одеянии.

Тот май Наталья Дмитриевна (для близких – Таша) проводила в Нальчике, в санатории «Грушевая роща». Горы... горный воздух, пропитанный весенним цветением... Что ещё нужно человеку с «вековой» московской усталостью для восстановления сил после крупозного воспаления лёгких? Таша блаженствовала.

Путёвку в санаторий (причём, особую – на целых тридцать шесть дней!) Таше достал свёкор – солидный дипломат, имеющий связи «в верхах», нежно любящий и уважающий свою единственную невестку, хотя она и была из семьи «врагов народа», сгинувших где-то в недрах ГУЛАГа. А кого ему ещё было любить? В прошлом году он овдовел, а Таша так деликатно опекала его. Вообще, в его понимании, невестка была женщиной редких красоты, ума, таланта и мудрости. Искусствовед! Как она понимала и знала искусство, особенно живопись эпохи Возрождения! Когда она защищала докторскую диссертацию, Григорий Феодосиевич (это имя свёкра) с замиранием сердца следил за членами комиссии и, видя их реакцию, безмерно был горд своей невесткой. Он просто обожал её (хотя с Богом у него были сложные отношения!).

Словом, в «Грушевой роще» Наталья Дмитриевна отдыхала душой и телом, восстанавливая подорванные жизненными обстоятельствами силы. Муж был в краткосрочной (полугодовой) загранкомандировке. Детей на летние месяцы пригласили к себе украинские родственники мужа. Она наслаждалась выпавшей ей за долгие годы свободой.

В санатории ей предоставили «люкс» – прекрасная комната на втором этаже со всеми удобствами: туалет, ванная, балкон, радиола, телевизор... Надёжная звукоизоляция – никаких раздражающих шумов, никто не храпит под боком. Рядом, в соседнем номере – Антонина Аркадьевна, интеллигентная пожилая дама, пианистка из Ленинграда, с которой Таша оказалась к тому же за одним столом. Условия для приятного отдыха идеальные.

Часа два-три уходили на всякие «назначения» – ванны, грязи, массаж, инъекции... Остальное время можно было тратить «как Вы пожелаете!»

В санатории была чудесная большая библиотека, где можно было выбрать любых классиков и ценнейшие мемуары – любимый Ташей жанр. Вечерами в городском парке играл духовой оркестр и на эстрадной сцене под открытым небом выступали различные знаменитости – певцы, чтецы, киноактёры...

Первая неделя пролетела быстро в знакомстве с медиками и местными достопримечательностями. И дни, и ночи были прекрасны. Ночи, часто бессонные для Таши... ночи просто потрясали её своей какой-то космической, магической красотой: Таша нигде и никогда не видела такого бездонного и чистого неба с удивительно яркими и говорящими звёздами. Ночью балкон стал для неё самым приятательным местом. Здесь она не замечала, как протекало время.

В один из дней, в начале второй недели, Таша пришла на ужин чуть раньше установленного срока и в вынужденном ожидании сидела, читая книгу, в холле перед столовой.

Она так была увлечена чтением, что не заметила, как к ней подошёл и сел в кресло напротив, очевидно, один из отдыхающих.

– Добрый вечер. Что читаете с таким погружением?

Таша подняла глаза и увидела смуглого человека лет сорока с печальными серыми глазами, чеканным с горбинкой острым носом и скорбным ртом. Прямые, длинные волосы. Такую причёску носили мужчины девятнадцатого века, чаще – поэты, музыканты... «Кого он мне напоминает? Ах да, Паганини... или Листа?» – думала Таша, отвечая на заданный вопрос:

– Читайте воспоминания, вернее, дневник Берлиоза. Так захватывает, что ничего не видишь и не слышишь вокруг.

– А Вы давно здесь?

– Вторая неделя идёт.

– Познакомимся? Валерий Губанов.

– Наталья... Наталья Дмитриевна... Чижикова.

– Вот так серьёзно? Тогда – Валерий Дмитриевич. Выходит, по отчеству мы тёзки. Или... брат и сестра? Отец один и разные матери? Интересная родственная встреча! А Вы не балерина?

– Откуда такое предположение?

– У Вас ноги балетные.

Таша густо покраснела и постаралась скорее спрятать ноги подальше под кресло. Самозванный собеседник продолжал:

– Мы с Вами не могли встречаться... так примерно лет десять-пятнадцать назад? Может в консерватории или каком-то столичном театре? Мне знакомо Ваше лицо.

Таша задумалась. Ей тоже теперь показалось, что она где-то когда-то видела этого человека.

– Ну да, я часто бывала в консерватории. Ежегодно покупала абонемент на серию музыкальных лекций.

– А я там часто выступал. Я – скрипач... Был... Сейчас – Вы видите? – это невозможно.

И он показал свои изуродованные пальцы.

– Следы общения с «птенцами железного Феликса»!

Тут двери санаторной столовой распахнулись.

Таша извинилась за необходимость прервать беседу и заторопилась к своему столу.

На юге ночь опускается на землю почти мгновенно. Таша, как всегда, была на балконе, на своём «посту».

– Любите ночное небо?

Она оторвалась от созерцания и стала искать, откуда исходит вопрос. В звёздно-лунном свете под балконом проявилась тёмная высокая фигура. «А, новый знакомый с сегодняшнего ужина!»

– Да, люблю ночное небо. Здесь оно особенное. Здесь «звезда с звездой говорит».

– Я тоже люблю Лермонтова. До боли люблю... А Вы чувствуете, какой здесь воздух? Я в этой санатории уже третий раз. Всегда выбираю май: он не такой напряжённый, не так переполнен людьми. Полюбился мне этот санаторий ещё и за название. «Грушевая роща»... Звучит?.. Ещё как звучит!

– Валерий Дмитриевич! Не стоит вести разговор на расстоянии. Час поздний. Кто-то уже хочет спать. Нехорошо, нельзя мешать людям.

– Простите. Вы правы. До завтра.

Фигура бывшего скрипача растаяла где-то в ночи, а Таше почему-то не захотелось больше вести разговор со звёздами и она, вопреки привычке, рано для себя улеглась в постель и стала припоминать свои юные годы, когда она постоянно ходила в консерваторию. Вспоминала лекторов-музыковедов и музыкантов-исполнителей... За воспоминаниями не заметила, как уснула.

За завтраком к столу Натальи Дмитриевны и Антонины Аркадьевны подошёл Валерий Дмитриевич.

– Доброго утра. Приятного аппетита, – приветствовал он всех за столом, а потом обратился к Таше:

– Приглашаю Вас, Наталья Дмитриевна, на вечерний концерт в летний театр. Там сегодня поёт Марк Бернес.

– Спасибо, но я не хочу оставлять в одиночестве свою соседку – Антонину Аркадьевну. Благодарю, но... нет.

– В чём вопрос? Пойдём втроём. Я достану билеты на троих.

Видно, рыцарь Губанов был человеком чести, слово умел держать. Вся троица смогла в этот вечер ещё раз убедиться в высоком таланте любимого артиста. Однако во время концерта с Ташей произошёл казус. На одной из песен, когда зазвучало «Стоит над горою Алёша, Алёша, Алёша...», она не смогла сдержаться рыдания. Пришлось ей на недолго выходить. Никто, очевидно, не мог понять, в чём дело. Все приняли её слёзы за сентиментальность или даже за истеричность молодой «дамочки». На самом деле Таше трудно было себя сдерживать, так как три года тому назад она потеряла при трагических обстоятельствах своего первенца. Его звали Алёша. Спустя некоторое время она объяснила всё и Валерию, и Антонине Аркадьевне. С этого вечера у них началась добрая, интересная дружба. Общие беседы на темы по литературе, искусству... У скрипача и пианистки не было недопонимания – ведь два профессионала! Ну и Таша не отставала. Часто вместе чаёвничали, слушая редкостные музыкальные пластинки (Валерий их немало привёз с собой). Вот когда пригодилась радиола, что была в Ташиной комнате.

Втроём им было очень интересно и хорошо. Однако прозорливица Антонина Аркадьевна сказала однажды:

– Таша, разве Вы не понимаете, что Валерий Дмитриевич мучительно ищет встречи с Вами наедине? Не огорчайте его. Ведь он Вас не съест. Это глубоко порядочный человек!

Сам Валерий Дмитриевич ничем (так он думал) не выказывал недовольства по поводу участия в беседах Антонины Аркадьевны, но всё же почти не смог скрыть своей радости, когда она вдруг обронила:

– Простите старуху, молодые! Стала как-то уставать. Вы уж без меня попутешествуйте по Нальчику. Я – пас!

Началось «запойное» общение двоих. Они действительно «прочесали» Нальчик и его окрестности вдоль и поперёк, с трудом отрываясь на лечение. У Валерия случались тяжёлые приступы панкреатита (кто с этим сталкивался, тот знает, что это такое: не приведи Господи никому!). У Таши с её слабыми лёгкими и сердцем тоже было проблем немало – восстановление шло туго. И однако быть вдвоём, делиться друг с другом своим прошлым и задумками на будущее стало для этих двоих просто необходимостью.

Таша узнала, как из-за одного политического анекдота талантливый скрипач Губанов получил семь лет ГУЛАГа. Он открыл ей имя доносчика и оказалось, что она тоже знала того страшного человека, о котором, как и многие другие, была высокого мнения. И этот человек был... женщина, «положившая глаз» на талантливого музыканта, который не ответил ей взаимностью. Эта женщина и в пору «оттепели» преследовала его, чем-то угрожая, будучи в фаворе и у новых «стражей коммунизма». Чувствовалось по всему, что снова начинается период «завинчивания гаек» для творческой интеллигенции.

Да, разговоры были очень «горячие», злободневные, но всё же большую часть встреч занимал обмен мнениями о вечном: о большой литературе, о новых спектаклях, кинофильмах, выставках картин и, конечно, о главном – для чего человек приходит на землю? О преданности, умении дружить, сострадать, любить и о многом другом, разном...

У Валерия был хороший фотоаппарат. Он делал удивительные снимки, тут же, в санатории, проявлял плёнки, печатал и дарил фотографии Таше и Антонине Аркадьевне. Ещё он много рисовал. Рисовальщиком был тоже талантливым. Как видно, талант у него был практически ко всему, за что брался.

Время бежало быстро. И длинный срок пребывания в санатории – целых тридцать шесть дней! – оказался совсем крошечным. Подходило время расставания.

Валерий торопился объясниться (как читатель догадался, наверно, – объяснить, конечно же, в любви!). Его чувство к Таше было неподдельным, глубоким и острым. Он уезжал первым, узнав московский адрес Таши и тот, куда она собиралась направиться за детьми после «Грушевой рощи», то есть – украинский.

Таша была в смятении. Она не могла разобраться в себе. Ведь она любила мужа, никогда не помышляла о какой-либо измене, пусть даже мимолётной. Она не могла ничем огорчить ни его, ни – тем более – «дорогого Григория Феодосиевича», но... Она чувствовала, что здесь, в «Грушевой роще», в её сердце вошло что-то новое, огромное, не подлежащее «перечёркиванию». И что ей делать с этим теперь?

– Ташенька, я всё вижу. – сказала Наталье Дмитриевне на прощанье Антонина Аркадьевна, – Не упустите своего счастья. Я всегда была против разрушения семьи, но то, что Вас коснулось сейчас... Это редко кому даётся в нашем мире. Вы помните «Гранатовый браслет»? Я думаю, Вы сейчас в ситуации не менее драматической. Подумайте. Подумайте обо всём глубоко. Вы ведь умница, человек с сердцем. Не отталкивайте Валерия Дмитриевича бездумно, сгоряча!

...На Украине Наталью Дмитриевну встретили радушно, очень тепло. Дети были здоровы, довольны частым пребыванием на даче в днепровских плавнях. Наперебой рассказывали маме о семействе ёжиков, топающих каждое утро по песку к реке на водопой; о цаплях, которых было немало в камышах; о мышке и её детках, которые были обнаружены в валенке на балконе городской квартиры гостеприимных херсонских хозяев. Таша радовалась радости окружающих её людей, но внутри её прочно засела мысль о произошедшем в «Грушевой роще».

Однажды тихим, пахнущим белой акацией и каштаном вечером семейство Чижиковых гуляло по проспекту Ушакова – главному проспекту Херсона. Весело «чирикали» дети, когда раздалось:

– Доброго вечера семейству Чижиковых!

Таша оглянулась – могла бы не оглядываясь узнать голос. Конечно, это был Валерий Дмитриевич Губанов.

– Здравствуйте! Вот... прилетел... не удержался... остановился... недалеко здесь... в гостинице... решил прогуляться и, как все местные и приезжие культурные люди, выбрал для прогулки этот проспект.

Дети дёргали маму за руки:

– Ну, идём дальше, мама! Мы ещё не всё договорили. Слушай дальше!

Таша стояла соляным столбом и говорила словно механическим голосом:

– Валерий Дмитриевич... Валерий! Зачем Вы приехали?.. Зачем Вы приехали?.. Зачем...

– А мы ведь тоже, по-моему, не всё договорили друг другу. Не так ли? Приглашаю Вас на свидание в Центральный парк. Если можно, сегодня. Если не возможно, то завтра, с утра или после обеда. Как Вам удобно, Наталья Дмитриевна?

– Хорошо. Я приду. Завтра. В шесть вечера. А сейчас... сейчас, Валерий Дмитриевич, я спешу. Уходите, уходите! До свидания.

И она ушла, вернее – убежала от него. Скорее, скорее, в своё временное «убежище»!

Ночь была бессонной. Валерий вновь ввёл женщину, изо всех сил пытающуюся утихомирить себя, в страшное смятение, растревожил её душу. Как растревожил!..

На следующий день, в парке, она, боясь смотреть на страдальца, поспешно, но твёрдо произнесла:

– Валерий Дмитриевич! Уезжайте, уезжайте немедленно! Пожалуйста! Продолжение «Грушевой рощи» невозможно. Поймите меня и простите, но такова реальность. От неё никуда не деться!

Он долго молчал. Она рискнула взглянуть на него. И, увидев его трагические глаза в слезах, тут же вновь потупилась в землю.

Наконец прозвучало:

– Хорошо. Завтра уеду. Возьму билет на «Ракету» до Одессы. Только придите проводить меня. Последняя просьба!

Она его проводила. Потом была её постоянная Москва. Работа. Дети. Муж с его частыми командировками. Обязательные встречи со свёкром. Потом были проводы свёкра в последний путь. Потом... потом обнаружение неверности мужа... инфаркт... реанимация... развод...

Время летело. Всё менялось. Адрес её всё же остался прежним. И вот по этому адресу она получила однажды посылку. «От кого бы это?»

Вскрыла. Грецкие орехи. Варенье из лепестков розы. Сухофрукты. Письмо. Какой-то альбом. Перелистала. Карандашные рисунки с видами Нальчика, с её балкона в «Грушевой рощи», два её портрета. Один – она в кресле со своими «балетными» ногами, открытыми всем на показ (открытыми, потому что в моде были мини-юбки, а она тогда моды придерживалась). Второй – поясной портрет, где она в полуанфас со своей длинной косой, вьющейся змеёй по груди и уходящей за пределы рисунка. В углу под каждым рисунком инициалы художника – В.Г.

Письмо читала многократно. Сначала залпом. Потом, с каждым разом – медленно...медленнее... более вдумчиво.

Валерий сообщал, что живёт теперь в Ставрополе. В Москве боялся не удержаться от встреч с Натальей Дмитриевной. Была и другая причина переезда: Москва была угрозой для него из-за «неё», то есть влюблённой его «врагини».

Писал, что чувствует приближение своего конца: «поджелудочная железа отказывает напрочь». Желал здоровья Таше, детям и ещё «кому сами пожелаете».

Потом было несколько поздравительных телеграмм: с большими праздниками, с днями рождения Таши и её детей. Одна – очень странная: «Она добралась до меня тчк я бессилён тчк Валерий». Кто эта она? Та, московская? Что она с ним сделала?

Потом наступило долгое молчание.

В ту пору ещё хорошо работали «адресные столы» по всей стране. Таша сделала запрос в Ставрополь. Ей ответили, что Губанов Валерий Дмитриевич скончался (была названа точная дата: получалось, это произошло полгода тому назад) и захоронен (назывался точный адрес захоронения).

Когда дети подросли, поступили в вузы, Наталья Дмитриевна побывала в Ставрополе, побеседовала с Валерием Дмитриевичем, сидя на скамеечке возле его скромного памятника. Её удивило, что могила была ухоженной. Кто-то высадил весёлые, яркие цветы. Ограда была увита итальянским цветным горошком. Значит, есть на земле душа, любящая истерзанного музыканта и художника. Ну и хорошо. Она, Таша, может быть за него спокойна в её Москве и его... когда-то.

Автор этого повествования – не чужой для Натальи Дмитриевны человек – продолжает помнить и любить её и теперь, когда она уже в краях иных. И, хотя дети её перебрались ради успешной работы в Америку, могила её тоже ухожена, ограда – всегда свежеекрашенная, радуют глаз прекрасные цветы, а с фотографии, что на памятнике, смотрит любящим взглядом на всех молодая Таша с толстой и длинной косой. Работа Мастера увековечена.

2012 г.

О ГОЛУБКА МОЯ!..

(возможно, детективная история)

Встретилась я с ней ещё в прошлом веке, в конце пятидесятых. При знакомстве она представилась:
– Марика Миклош.

Тогда для меня это прозвучало экзотично-загадочно. А для моей тёти, у которой мы встретились, эта «иностранка» всегда была просто Машенькой Голубовской, дочерью её гимназической подруги Глафиры Белой.

Ещё до своего знакомства «вживе» я уже была насквозь пропитана всеми трагическими жизненными перипетиями этих матери и дочери.

В доме моей любимой тёти Вики, на Сретенке, ежегодно (сначала в Новый год, а затем – после Войны – и в День Победы) собирались её гимназические подруги.

Я – затаившись, зачарованно – слушала их рассказы-воспоминания. Это были весёлые, грустные, но всегда захватывающие истории.

Знаю, что Глафира тоже бывала в тётином доме, но её я видела мельком только раз: в середине пятидесятых Глафиры уже не было в живых. Однако, из уст далеко немолодых гимназических подруг я знала, кажется, назубок жизнь Глафириной семьи и представляла её в красочных, кинематографически выразительных крупных планах. И это было не немое чёрно-белое кино. Нет! Я видела «киногероев», слышала их голоса... А уж после встречи с Марикой-Машей – я стала не только зрителем, но и соучастником всего того, что хочу поведать сейчас на этих страницах.

Итак, я знаю... Знаю, что глава семьи – Фёдор Голубовский – был арестован в тридцать седьмом году как польский, немецкий и японский шпион. И сгинул в неизвестности. Глафира, имея высшее медицинское образование, трудилась, в военном госпитале и в мирные годы и во время войны. Очень любила Машеньку – свою единственную радость.

Вдова изо всех сил пыталась «довести до ума ненаглядное дитяtko», то есть дать этому «дитяtke» высшее образование и выдать замуж.

Маша – на радость матушке! – блестяще поступила в московский медицинский институт и была на четвёртом курсе, когда грянула война.

У Маши был жених – Вячеслав. Кадровый военный. Он с первых дней войны воевал.

Маша не могла быть с ним в разлуке. И какими-то сложными путями оказалась в его части. Война кровно свела их. Вячеслав – всегда на поле боя. Мария – всегда в полевом госпитале. Они мечтали о счастливой жизни после войны. Судьба распорядилась иначе.

Однажды, во время короткой передышки после боя, когда влюблённые вели беседу в палатке, неожиданно началась вражеская бомбардировка. И в этот же момент Машу срочно вызвали к начальнику госпиталя. Только она вышла из палатки, не успела пройти и двадцати шагов, как за её спиной что-то «ухнуло» с невероятной силой. Девушку отбросило в соседствующий с палаткой кустарник, а дальше... дальше – провал.

Когда Маша очнулась, палатки не было. Ничего от неё не осталось. Только в небо поднимался какой-то огненно-дымный столб да бегали солдаты с перекошенными, покрытыми копотью лицами.

– Слава! Где мой Слава? – повторяла и повторяла Маша. У неё был настоящий шок.

В кустах нашли молчащие наручные часы Вячеслава. Они остановились в момент его гибели.

Вячеслав остался в Маше навсегда. Она не могла, не хотела с ним расстаться. Можно сказать, что в тот час и она умерла. Вместе с женихом.

У Славы был друг-соперник, Вадим, до сумасшествия, одержимо влюблённый в Машу. Да и было от чего потерять голову. Девушка была одарена редкой красотой: вы-

сокая, тонкая, гибкая, смуглая блондинка со слегка раскосыми фиалковыми глазами и нервно-трепетными губами. При этом глубоко и широко образованная, аристократического воспитания, источающая чистоту, дарящая вдохновение. Рядом с ней даже самые угрюмые люди вдруг начинали понимать, что «жизнь прекрасна и удивительна!»

После гибели жениха Маша полностью отдалась работе. Не знала ни сна ни отдыха. Даже начальник госпиталя не раз вразумлял её:

– Ты бы пошла да соснула хоть часок, Голубовская. И откуда только у тебя силы берутся? Иди сосни: ведь есть же подмена!..

Маша упорствовала. Она поняла, что только на работе может забыться, только в этом её спасение.

Сорок четвёртый год перевалил за половину. После нескольких бессонных суток Маше дали (вернее, заставили взять!) день отдыха.

Бой шёл где-то вдаль от землянки, в которой Маша отмывалась от пыли-грязи, крови (ведь переносила раненых) с мыслями: «Хоть задремать бы!» А тут вдруг, кажется, прямо над головой – жуткий грохот, треск... Хаос звуков! На поле боя не так страшно, как здесь... одной!

Среди этой неразберихи (а то была просто могучая летняя гроза) в землянке возник Вадим. У него в руках был букет из полевых цветов и – невероятное в военное время! – коробка шоколадных конфет и шампанское.

Бросив на деревянную лавку «приношения», бравый офицер стал (сначала как будто по-братски заботливо, а затем – с безудержной страстью) обнимать дрожащую от страха перед грозой Машу. Пока девушка поняла «что к чему» гость вошёл в такую неистовую силу, что девичье сопротивление не могло помочь. И не помогло. Вадим добился того, что не получалось у него никак в течение долгих трёх военных лет. После свершённого он ещё неистовее влюбился в Машу, а она... она возненавидела настойчивого поклонника. Непримиимо возненавидела.

Эти странные любовь и ненависть были на виду у сослуживцев. Кто сопереживал медсестре, кто – безответно влюблённому командиру...

Начальник госпиталя, глубоко уважая Машину преданность Вячеславу, переживал за подчинённую, которая была ему особо дорога, ибо он давно и безнадежно был влюблён в её мать – Глафиру.

А Маша... Она обнаружила, что беременна. И это становилось всё труднее и труднее скрывать от окружающих: её часто «мутило», не раз она теряла сознание во время операций...

Командование приняло решение отправить будущую мать в Москву. Маша подчинилась приказу.

Глафира приняла дочь с пониманием. Окружила её заботой, хотя времени для общения было слишком мало: круглосуточные дежурства в госпитале!

Бедная Глафира! Она так надеялась, что дочь родит ей внука или внучку, что влюблённый Вадим сделает в конце концов дочь счастливой. Мария иначе распорядилась своей судьбой.

Тайно от матери она пошла к хирургу-гинекологу (кто ей порекомендовал эту женщину? Бог весть!). После осмотра врач наотрез отказалась делать аборт:

– Во-первых, аборт, как Вы знаете, у нас строго запрещены, разве только что по медицинским особым показаниям! Во-вторых, у Вас – для аборта недопустимый срок беременности – четыре месяца! К тому же это ведь Ваша первая беременность! Угроза дальнейшего бесплодия! Нет и нет!

Как Маша не умоляла, никакие её доводы и слёзы не помогли. И тогда она решилась на подпольную операцию.

По «сарафанному радио» раздобыла адрес... «бабки». И свершилась трагедия.

Глафира, по приходу из госпиталя, нашла свою дочь в беспомощности, истекающую кровью.

По какому-то мистическому стечению обстоятельств Маша оказалась на хирургическом столе у гинеколога-жен-

щины, которая проводила её первоначальное обследование. Опытный медик и сострадательный человек, эта женщина (тоже Мария, только Мария Ивановна) сделала практически невозможное: спасла Машину жизнь. Горько было лишь то, что у её пациентки уже никогда не могло быть ребёнка.

– Что же ты, деточка, наделала? Почему ты сразу не сказала мне своей истории? Ведь тогда бы – скорее всего! – я приняла бы другое решение.

Сетовать было поздно. Глафира не находила себе места от горя. И всё же... всё же надо было как-то жить.

Дочь «таяла» на глазах. От переживания у неё открылся туберкулёз. Если бы кто знал, как мать боролась за своё «единственное дитяtko»!

В апреле сорок пятого в Москву примчался Вадим. После тяжёлого ранения в бою за Будапешт, после госпиталя, получил отпуск на долечивание.

Ему удалось расположить к себе Глафиру, которая стала всячески обхаживать дочь, уговаривая её выйти замуж за Вадима – «такого красивого, такого преданного, такого перспективного».

Словом, осада была двойная – слаженная, продуманная, деятельная. Для осаждающих она завершилась победой. Маша сдалась. Ей стало жаль, очень жаль убивающуюся мать.

В скором времени Вадим получил назначение на Север. Жена должна была следовать за мужем-офицером. Глафира осталась одна. Поддерживали её только гимназические подруги. Правда, Маша с Вадимом раз в год, в свой отпуск, навещали её. Глафире казалось, что всё в семье дочери ладно. Зять ей нравился всё больше и больше: видно было, как он влюблён в жену, как счастлив. Да и дочь вроде бы теперь успокоенная, покладистая.

Так казалось всем вокруг. Маша эту убеждённость старалась поддерживать, но сама... сама по-прежнему безмерно страдала из-за неизбывной любви к своему Вячеславу.

Мужа она, конечно, жалела. Старалась быть с ним тактичной, но большего ему дать... нет, она не могла.

И тут – новая беда: неожиданно от инфаркта скончалась Глафира. После похорон у Маши начался рецидив туберкулёза. Лечилась она то на юге, то в Москве.

В один из московских летних дней эта молодая, красивая, но измученная жизнью, женщина сидела на скамье Центрального парка, как принято говорить, Культуры и Отдыха и смотрела устало на пышную зелень, причудливо-яркие клумбы, вбирала в себя душистый московский воздух и предавалась воспоминаниям. Воспоминания – это главное, чем она ещё держалась в жизни и что никак её не отпускало. В руках – книга, любимый Блок.

Сколько времени она пребывала в таком состоянии? Не заметила. Вдруг совсем рядом раздался красивый, певучий голос:

– Девушка, что Вы читаете? Можно присесть возле Вас?

Маша вышла из нирваны и посмотрела на обладателя неожиданного голоса. На неё смотрел синеглазый, светло-волосый, высокий, стройный, молодой мужчина... Словно молния пронзила Машино сердце, которое воскликнуло:

– Боже, как он похож на Славу!

А незнакомец уже устроился на скамье рядом с Машей, положив себе на колени красивый, явно иностранный, портфель.

Невдалеке стояли, очевидно, друзья этого незнакомца. Конечно, друзья, иначе почему они так заинтересованно смотрели на образовавшуюся пару и понимающе улыбались?

– Давайте знакомиться: Ласло Миклош. А Вы? Как Вас зовут?

– Мария Голубовская.

От внезапного, буревого волнения Маша почему-то назвала свою девичью фамилию, а не фамилию по мужу.

Ласло не отрывал от неё замороженного взгляда. А у неё в голове пролетало:

– Кто он? Почему такой странный, хотя и очень симпатичный, акцент?

Ласло как будто прочёл её мысли и тут же ответил на них:

– Я венгр. Учусь в аспирантуре вашей Академии внешней торговли. Вот только что с очередного экзамена. Сдал успешно. С друзьями решили погулять по парку. Здесь так уютно!

– Ласло, ну хватит уже замучивать своими откровениями русскую красавицу! Нас же ждут в ресторане. Забыл что ли? Вставай, вставай, пошли! Время! – настойчиво требовали друзья-аспиранты.

Ласло – нехотя, смущённо! – поднялся, протянул Маше руку. Она сделала ответный жест. И тогда он уже обеими руками нежно взял прекрасную женскую руку, поднёс её к своим губам и почтительно-тепло поцеловал. Друзья буквально насильно оторвали его от затянувшегося «церемониала» и утянули за собой в ресторан.

Маша сидела неподвижно, в глубокой задумчивости. Она не понимала, что произошло. Её обволокло какой-то ирреальный сладостный туман, из которого, казалось, невозможно выбраться в повседневную реальность. И тут вдруг она заметила, что ворвавшийся в её мир иностранец забыл на скамье портфель. А там ведь, наверное, документы?..

Маша была в растерянности, не знала, что же ей предпринять. Жизнерадостных аспирантов уже и след простыл.

Вначале она решила посидеть здесь, на этом самом «проходном» месте, ещё некоторое время (ну пусть даже час или два): а вдруг он вернётся? Потом, просидев до самого позднего вечера и поняв, что сегодня уже никто за портфелем не придёт, она подумала:

– Не бросать же здесь чужую вещь! Возьму с собой в гостиницу, а завтра с утра вернусь на эту же скамью. Другого выхода, кажется, нет. Может, этот Ласло (или как там его?) догадается о моём решении?

Маша была человеком ответственным, а потому доводила всё до конца. Утром она была на «роковом» месте. Ласло

«догадался»! Они встретились! А может, он специально разыграл свою забывчивость?

Так начался необыкновенный роман жены советского офицера с молодым венгерским учёным-дипломатом. Это был красивый, но безрассудный и очень трудный роман. Маша полюбила впервые после потери Вячеслава. Полюбила безбредно, как может любить только русская женская душа, истосковавшаяся по другой, родной душе. Да, это была воистину *та*, единственная душа, которая нужна была Маше, как живительный воздух; душа, которая понимала её без слов и любила то, что любит она. Это была не душа *иностранца*, но душа человека, знающего и чувствующего Пушкина, Фета, Блока...

Да, Маша полюбила, но она не представляла, как обо всём этом поведать мужу. Нет, нет! Она не может открыться перед ним!

– Боже, что я делаю? Надо возвращаться на Север! Мужа нельзя травмировать!

И Маша уехала. Маша бежала от «свалившегося» на неё, но невозможного счастья.

Ласло же ничто не могло остановить в желании прожить с любимой всю земную жизнь. Он сумел узнать её адрес. Начал писать. Это было не безопасно.

Маша металась. В ответных письмах умоляла забыть её и не писать больше.

Ласло не сдался и вдруг неожиданно нагрянул в северный военный городок. Как ему это удалось? Как он добился встречи с Вадимом? Но он это сделал! Он рассказал Вадиму так о взаимной любви между ним и Машей, что Вадим понял: этим двоим ничто не помешает соединиться! Тем более, что в это самое время у нас были уже разрешены иностранные браки.

Маша разрывалась между любовью и долгом. Любовь победила. Маша теперь могла покинуть Союз и свою любимую Москву безболезненно, так как мамы уже не было, а

навещать дорогие могилы можно будет и приезжая из Будапешта. Словом, Маша стала Марикой Миклош.

Вадим ещё какое-то время тосковал, а потом всё же обзавёлся новой женой. И даже двумя наследниками, чего у Маши, увы, никогда не могло случиться.

Я начала свой рассказ с первой своей встречи с Марикой Миклош в конце пятидесятых на квартире моей тётки, в Москве, на Сретенке. Там Марика была просто Машенькой Голубовской, дочерью любимой Глафиры – гимназической подруги «осколков древнего мира», как называли себя тёткины «бесценные гости».

Я была значительно моложе Маши, но мы так подружились, что возраст очень скоро перестал играть какую-либо роль. С того времени я знаю всё о моей подруге не из чьих-то рассказов (пусть и подробных), а из личного общения с ней.

Когда Маша бывала в Москве, мы обязательно виделись. Когда же она жила в Будапеште или где-то в других городах земного шара, то у нас были встречи по телефону и в письмах. Писали мы основательно: в мельчайших подробностях, не забывая о художественном изображении всего, что с нами происходило. Это были письма-сценарии. И это были настоящие встречи, почти «вживе»! Мы чувствовали необходимость друг в друге.

Я была уже замужем, пережила трагедию – потерю первенца на восьмом году его жизни, ждала третьего ребёнка, когда мы встретились с Машей на Кубе. Вот какие в жизни бывают неожиданности. А впрочем... Это только нам кажется, что всё происходит случайно. На самом деле у судьбы свои твёрдые планы, осуществляемые ею неукоснительно.

Итак, после смерти первенца я со своим вторым сыном, в ожидании третьего ребёнка, оказалась на Кубе, где по долгу службы находился мой муж. И надо же было такому случиться, что там оказалась и Машенька со своей семьёй. Да, именно с семьёй, потому что в жажде иметь своего ребёнка

Миклоши удочерили маленькую девочку, Сильву, которая родилась семимесячной и тут же осиротела; её мать умерла родами.

Миклоши выхаживали эту девочку самоотверженно. Многие не верили, что она выживет, но надо было знать темпераменты Маши и Ласло. Их Сильва не только выжила, но и со временем превратилась в жизнерадостную, сказочной красоты «инфанту». Когда мы встретились в Гаване, ей было шесть лет. Она тут же подружилась с моим сыном – её ровесником.

В Гаване я – наконец-то! – в живом общении с Ласло поняла и умом и сердцем, чем он покорила Машу.

Наши семьи стали родными семьями. Можно даже сказать – одной большой семьёй. Все трудности того напряжённого кубинского и нашего личного периода мы преодолевали вместе. И радости у нас тоже были общими. Как говорят кубинцы, друзья познаются в радости: в беде и враг может посочувствовать вам с высоты своего благополучия.

В Гаване я Машу стала называть по-новому – «Голубка моя!» Именно так к ней обращался и так о ней говорил другим Ласло. Причём было ясно, что эта «птица» пишется с большой буквы. Обращаясь к любимой, Ласло напевал: «О Голубка моя!» И это тоже было удивительно, ибо именно эта песня (в которой «голубка» писалась с маленькой буквы) звучала мне постоянным приветом из моей юной жизни в Севастополе, где служил мой отец – военный моряк. Эта песня для многих была визитной карточкой Севастополя. Она витала над Чёрным морем, с самого раннего утра звучала она на всех военных кораблях (моряки очень любили Клавдию Шульженко!).

У Ласло тоже было своё «домашнее» имя – *Орфей*, очевидно, за прекрасный голос и преданную любовь.

Словом, на Кубе эти двое, которые ранее были для меня Маша и Ласло, теперь явились в виде нового обретения под

новыми именами. О как я любила эту «певучую семейку»: Голубку, Орфея и их птенца – Сильву.

И по возвращении в Союз, в свою родную Москву я, как зеницу ока, хранила эту мою бесценную связь с будапештцами.

Они меня обязательно навещали. Или я бывала у них. Если Ласло приезжал в нашу столицу по своим дипломатическим делам (а он уже работал в ООН), он обязательно посещал мой дом, привозя письма от Голубки и одаривая всех нас оригинальными, с любовью и вниманием выбранными подарками.

Вдруг однажды во время очередной встречи с Голубкой я ощутила в ней огромную, глубинную боль, поняла, что она из-за чего-то непомерно страдает. Не решилась спросить о причине: авось, сама расскажет! Такое время настало.

Я узнала, что в семью Миклошей вносит раздор дальняя родственница Ласло – «непутёвая Юка», как называл её наш Орфей. Эта женщина стала навязчиво преследовать его, говоря о своей «нечеловеческой любви». Маша-Голубка ревнует! Да, это бесспорно. Вот в чём дело! Я это поняла окончательно, когда моя подруга уже ни о чём ином и говорить не могла, как только об Орфее и Юке. Потом новые события добавили ей огорчений. Выросла Сильва, повстречала итальянского юного красавца, получая юридическое образование в Швейцарии, и вместе с ним удрала в Америку. Там современные «Ромео и Джульетта» купили передвижной дом-фургон и стали путешествовать по всему Новому Свету.

Словом, в семействе моих Миклошей кипели настоящие шекспировские страсти. Я за них, конечно, переживала, но у меня самой настало тяжелейшее время: с двумя детьми на одних своих руках, без всякой помощи со стороны, я должна была идти по жизни, что и делала. Зачем-то мне были даны эти новые испытания.

Однако под грузом своих невзгод я не забывала венгерских друзей. И вдруг... полная тишина, никаких вестей от

них. С большим трудом от наших общих знакомых узнала, что Голубки нет уже на земле: в один из осенних вечеров её нашли задохнувшейся от выхлопных газов в собственной машине почему-то в незнакомом для Миклоша будапештском гараже. Говорили, было долгое, мучительное следствие. Ничего не прояснилось. Суд настоял на версии самоубийства. Мне это казалось странным и даже подозрительным, но официальная версия происшедшего не позволяла кого-либо в чём-то подозревать, тем более – обвинять.

Года через три после суда пришло мне письмо от Ласло, в котором он, словно бы оправдываясь, писал о своей невиновности в смерти Голубки и о женитьбе на Юке, которая «совсем не такая плохая, как казалось раньше». После этого письма никто из Миклошей в моей жизни больше не возникал.

Я много лет уже прикована к постели. Мои дети обзавелись семьями и живут отдельно от меня. Навещают. Радуют внуками. Друзья-коллеги тоже меня не забывают. И всё же... прошлое меня не отпускает. Когда остаюсь наедине с собой, мысленно, возвращаюсь в то далёкое время, где живы моя тётя, её гимназические подруги, их дети, внуки... И обязательно «застреваю» у Миклошей.

Где ты, Голубка моя? Кто тебе теперь поёт традиционную нежную песню? И кто он, твой Орфей? А вдруг... не Орфей, а Мавр венецианский? Или Яго?... Здесь, очевидно, этого я никогда не узнаю, но там...

Я так люблю тебя, моя прекрасная, моя горькая! Пусть этот мой рассказ будет тому подтверждением, о Голубка моя!..

2012 г.

ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

Было в моей судьбе двенадцать – всего? или целых? двенадцать! – самых счастливых, самых прекрасных лет. Когда они начинались, я была уже немолода – полвека за плечами! Но они начинались, как начинается лето.

Соединились две осиротелые семьи. Уставшие от одиночества люди бросились друг другу навстречу и – боясь, что их что-то может разлучить – жадно пили каждое подаренное им мгновение. Эти двое были *я* и *он*, мой муж, истинная моя вторая половина. Только вместе были мы *человек*.

Наш дом (один из шести домов академического НИИ) стоял на опушке леса. Утро начиналось полифонией пернатых. С нашего седьмого этажа (седьмого неба!) было видно, как из леса к продуктовому магазину за подкреплением мчится белочка (летом – рыжая, зимой – голубовато-серая); как важно у мусорных баков расхаживает ворона, никого из «пришлых» не допуская до «стратегического запаса»; как дятел – в своём ярком мундире! – что-то выискивает в стволе дуба или сосны и методично «морзянит», отправляет телеграфные депеши то ли своим сородичам, то ли в «небесную канцелярию»; как одноухий рыжий кот пристаёт нахально к пышнотелой, в купеческом наряде, липе (это чаще бывает летом – зимой бесстыдник отсыпается в тёплом подвале); как жители академического посёлка с бидончиками и хозяйственными сумками выстраиваются в очередь за разливным молоком (его привозят из соседнего совхоза) и за хлебом... Словом, утро начиналось традиционно. А что может быть лучше устоявшихся традиций?!

Когда мы с мужем ещё обязаны были ездить на службу (в Москву), то для встречи с целительной природой Подмосковья (а жили мы именно в Подмосковье) у нас отводились субботы и воскресенья. Потом, после выхода на пенсию, нам удавалось отдыхать в лесу, поле, на прудах... гораздо больше времени. Его стало ещё больше, когда дети обзавелись семь-

ями и собственными квартирами. Конечно, как и все наши соотечественники, мы жили проблемами и заботами страны. К тому же, как все люди творческих профессий (а именно к таковым нас причисляли в официальных и дружеских кругах), мы никогда – даже уйдя формально на пенсию! – не уходили из профессии. Но сейчас я жадно вспоминаю наши выходы на природу. И речь моя сейчас только об этом.

Весною, чаще всего в апреле, когда возможно было уже как-то (конечно, в массивных резиновых сапогах!) по разбухшей от талого снега дороге пройти к заветным местам, мы радостно собирались «на природу». С самого раннего утра!

Рюкзаки набивались нехитрой снедью. Находилось в них место и для спичек, бумаги для разжигания костра, охотничьего ножа (без него в лесу никак нельзя!). В мой рюкзачок отправлялись блокноты и ручки, детский крем (после работы на природе натруженные руки надо было помыть в ручье или болотце и смазать)... Палками-посохами мы обзаводились уже в лесу. Выбирал их всегда муж. Делал он это основательно, придирчиво оценивая, что подходит, что не подходит. Охотничьим ножом доводил природные данности палок до необходимого совершенства. И вот мы уж становились путешественниками. Впереди нас ждала дорога длиною в два дня (с ночёвкой всё же дома).

Этот апрельский лес!.. Уже на его опушке нас встречали россыпи медуниц. Во второй половине девяностых они стали до ненормальности крупными, достигая высоты почти в тридцать сантиметров, а порою и в полметра. Цветы – почти как у колокольчиков. Какие это были великолепные – яркие, сочные, полнокровные – цветы! Мне было жалко их рвать в дорогу (ведь завянут быстро!), а потому маленький букет я собирала только на возвратном пути домой.

К маю на опушке и в самом лесу появлялись мать-и-мачеха, разнообразные лютики (лесной, луговой, едкий), одуванчик... чуть позже – ландыш, незабудка... Боже, какое торжество творчества!

Мы шли к своим любимым местам (они теперь были наши общие, но открыл их мне изначально мой бесценный муж!). Шли, отдыхая время от времени то на пнях, то на поваленных деревьях.

Самым любимым нашим пейзажем был пейзаж с дорогой, идущей то через лес, то прерывающейся лугом или полем, а то встречающейся с прудом, озером или лесным болотцем. В Подмоскowie это всё было в избытке. И мы были бесконечно счастливы от таких встреч.

Вспоминается один из многочисленных наших пикников у лесного дремотного болотца. Тина... лягушачий хор... кукушка... комары... шуршание камыша и осоки... Над головой – клён, осина, бузина (то белопенная, а то, глядишь, уже зардевшаяся, в кроваво-прозрачных каплях)... Горит костёр. Муж готовит новую книгу в области геофизики, делает какие-то математические вычисления, составляет таблицы... Я работаю над книгой стихов... Горит костёр. Природа наблюдает за нами и вливает в нас силы. Горит костёр...

Места наших летних походов менялись. Больше всего я любила воскресные дни у внуковского пруда, под сенью сосен. Там мне особенно хорошо писалось. А когда отрывалась от рукописи, тут же радость в меня вселял пруд, где резвилась-бултыхалась ребятня, где у воды, на клеверном лугу, жужжали шмели, беспечно летали бабочки, стрекозы...

Весной и летом мы возвращались домой с букетами цветов и новыми главками для наших книг. Усталые и бесконечно счастливые.

Осенью наши съестные запасы пополнялись грибами. Это были и белые грибы, и лисички, и подберёзовики, и подосиновики, а уж сыроежек для грибного жаркого было столько... успевай только обрабатывать!..

Ну а зимой... Зимой мы ходили только в наш любимый ельник. Там было наше – неукоснительно наше! – секретное место.

На поваленную ель настился лапник. С собой обязательно брался геологический топорик для рубки сухих веток и сучьев. Костёр горел в любую погоду. Этих зимних

своих походов мы не отменяли даже в метель. Если она не была злобно-гневной. В таких походах мы часто пели у костра все известные нам геологические и туристические песни, а я ещё отводила душу на украинских.

Когда возвращались домой, то – от борьбы с сугробами и ветром – казались и сами себе, и нашим близким и соседям любителями русской парной: несмотря ни на какие морозы, были разгорячёнными-распаренными.

Да, всё это было. Всего лишь двенадцать лет... А, может целых двенадцать?.. Моя половинка – в ином измерении, а я... Я уже давно «с одним крылом». Изменила место жительства (судьба распоряжается по-своему!). Оно далеко от того, нашего, сакраментального. Моё, очевидно, последнее, земное пристанище теперь в Перово, в ветеранском доме. Я давно прикована к постели – моему «запасному аэродрому». Только в мыслях летаю – очень часто! – в свой академический посёлок в Подмосковье.

Из различных источников узнаю, что всё в тех, дорогих сердцу и памяти местах – Картмазово, Валуево, Передельцы, Мешково, Внуково, Пыхтино... – всё там изменилось. Лес пострадал от новостроек. А ведь уже в нашу пору было предвестие: топоры в соседней роще уже тогда, в середине девяностых, застучали настойчиво.

Говорят, исчезли болотца, вырублены сирени, жасмины, шиповники...

«Плакала Саша, как лес вырубали!..» Что осталось?.. Радость единственная – появился домовый храм.

Здесь, в Перовском доме одиноких ветеранов, под окнами у меня есть и сирень, и жасмин, и берёза, и ели с соснами, даже дикие яблони да вишни... В ногах кустов и деревьев – трава-мурава, лебеда, крапива, пижма... Птицы меня посещают. Разные: воробьи и синицы (эти и зимой и летом), трясогузки, дрозды... Дятел «морзянит»... Соловьи выводят руды в традиционные сроки...

И всё же не забывается моё Подмосковье. И те мои двенадцать лет...

2012 г.

ПОД ЗАНАВЕС

ВОПРОСЫ ДОБРОМУ ПАСТЫРЮ, подслушанные однажды автором в отаре и запавшие в душу

Я – паршивая овца, самая паршивая из всех паршивых.

Пастырь Добрый! Зачем Ты так заботишься обо мне? У меня есть душа и я доросла до осознания себя. Да, я очень глупа, никого нет доверчивее и глупее меня, но я знаю, что обо мне так заботятся, чтобы я была более вкусной для питания двуногих. Меня забьют. Я это чувствую. Мне знаком страх.

Ты, Добрый Пастырь, Сам дал мне душу, но что будет с ней, когда пойдут в дело мои шерсть и мясо? Что будет с моей душой? Она исчезнет?

Я увидела этот мир и дала возможность увидеть его моим детям. И мне так хочется знать, как устроена огромная жизнь с вечностью и бесконечностью...

Прости мою дерзость, Пастырь Добрый, но... Ты так велик! Неужели Ты не мог устроить мир, где бы никто никого не поедал? Даже после постыдного падения двуногих в Эдеме?

Да, я паршивая овца. Я с этим согласна, но я дрожа молюсь каждый день (оказывается, всё, сотворённое Тобою, способно к молитве!), чтобы кое-что изменилось в Твоём Мироздании. Я мечтаю, чтобы жила лишь вечная любовь и ни одна душа, созданная Тобою, не исчезала. Я молю, чтобы Ты придумал что-то, подобное Твоему соединению с человеком и Твоему Воскресению. Человекам дан хотя бы Твой Страшный суд, но нам, тварям с душой тленною... нам на что надеяться?

2011 г.

Оглавление

От автора	3
<i>Людмила Васильева. На кромке Времени</i>	4
<i>Елизавета Коздоба. Всесильный Свет</i>	7
<i>Тимур Зульфикаров. Небесная камea</i>	15

Вчера

Будет день.....	16
«Затишьe. Словно перед бурей...»	17
«Был не хмурый день...»	18
«Этот куст не хотел умирать...»	19
В поисках потери	20
Прекословлю Гению	22
«Белый клевер...»	23
Две бабочки	24
Стрекоза на ладони.....	25
«Катапультируюсь. Прощай...»	26
«Среди большой пурги...»	27
Золотая песенка.....	28
Песня русских деревень	30
Солнечные одежды	31
На прощальном летнем приёме.....	32
Отчего?.....	33
«К земле прижимали ветра...»	34
Вы вспомните!	35
Чужая весна.....	36
«Страшнее лжи...».....	37
Весенний порыв	38
«И не стерпитcя, и не слюбитcя...».....	39
«Дождь шептал...»	40
Цветы России.....	41
Из цикла «Мир, названный Москвою»	42
Не ко двору!.....	46
Родная земля.....	48
Путешествие из Москвы в Москву.....	49
Московский летний ветер,	50
Тебе.....	51

«Красавицы – стройные ели...».....	52
«Вихри листьев. Вой. Экстаз камлания...».....	53
Предновогоднее	54
«Как море – безбрежное поле...»	56
К истокам!	57
«Мне с собой никогда не скучно...»	58
Приём не состоялся,	59
Имейте жалость к Сальери.....	60
Под богатырской защитой	61
«А после дождика летнего...»	62
«А соловьи поют...»	63
На кладбище	64
«Небо стьло-голубое...»	65
«Тихая-тихая осень...»	66
У обрыва	67
Вопросы к судьбе.....	68
«В час заката вдруг детство вспомню...»	69
В морях Грина	70
Потомок помнит.....	71

На кромке Времени

Прислушайтесь!	73
Книга Бытия	74
Сейчас и здесь.....	75
Тоска по крылатым песням	76
Последний день весны.....	77
«Прошиты лучами солнца...».....	78
Обыденное.....	79
К солнечному лучу	80
«Всё свершилось. Всё сбылось...».....	81
Воспоминание о далёком.....	82
«Под ветром гуляли волны...».....	84
«Один поэт – небесный дар!...»	85
«Тянется... тянется... тянется время...»	86
Бумеранг.....	87
Московское белое море.....	88
Русские обереги.....	89
Павлово-Посадский вальс	90

Круговерть.....	91
Секреты надежды.....	93
Сострадаю Богу!.....	94
Накануне	95
Лунная дорожка	96
Ритмы жизни.....	97
Прощаясь.....	98
Диалоги	99
Октябрь	100
Мир за окном.....	101
Одинокий соловей.....	102
«И снова ломится сирень в окно...»	104
«Высокое небо, высокие ели...»	105
«Сезоны года... Забыла...».....	106
Вышиваю грусть	107
«Мы – скитальцы по Вселенной...»	108
Исход.....	109
Боль земли.....	110
Толпа	111
Глухари.....	112
Прощальный вальс	113
«Расцветают, дышат травы...».....	114
Не подвластна колдовству	115
Непостоянная	116
Путь к Единственному	117
Прославление	118
Омовение	119
«Ещё не проснулась природа...»	120
Черта оседлости	121
Прозрение	122
Коту Басу	123
Домик в Измайловском парке	124
Лир из Дома ветеранов сцены	125
У шоссе Энтузиастов	126
В летнем парке – военный оркестр	127
День сирени	128
Поворожи!.....	129
Дождливое настроение.....	130
Под солнцем.....	132

Крылатое счастье	133
Для нас – мастер-класс.....	134
Читая и слушая Тимура Зульфикарова...	135
Жена и плётка.....	139
«О голос жизни...».....	140
Объективности ради.....	141
Приходите!.....	142
Причуда фантазии	143
Русская тоска по испанской речи	145
Подражание испанской серенаде.....	147
Гомеровский вопрос	148
Цыгане	149
«Проступают... проступают...»	150
Разговор в Госиздате.....	151
Над Книгой Мастера	152
Старая песня на новой Руси	153
Мечты россиянки.....	154
Русское самосознание.....	155
«И снова в России великий момент...»	158
Возможно.....	159
Русское слово. Приставки.....	160
«Говорят в Украине на «суржике...».....	161
Калина красная – червона калына	162
Противостояние.....	163
Эротика по-русски.....	164
Прошу.....	165
Простое-сложное	166
Из тени – в свет	168
«И глаза засверкали её...».....	169
Мёд из янтарных сот	170
Дом ветеранов	171
Летний вечер	172
Припомнив Эйнштейна.....	173
«В некошених травах гуляю во рву...»	174
В белом цвете.....	175
Осени златолюбивой.....	176
Предвестье	177
Запахи детства	178
Реквием.....	179

«Когда за окнами разгул стихии...»	180
«По дубам, по рябинам, берёзам...»	181
Мой выход в мир	182
Полёт люблю!.....	183
Последние сны лета.....	184
Липа отцветает	185
«Мир физический... Мир духовный...».....	186
Россия	187
Его зелёные цветы	189
Не остановись!.....	191

И ныне, и присно...

«Пошли мне, Боже, осознание вины...»	193
Молитва в день рождения.....	194
Крыла молитвенных глаголов.....	196
Моление о молитве	197
Чудо	198
«Я жадно пила из колодца покоя...»	199
Учите уроки.....	200
Вопросы... Ответы.....	201
Потомки.....	202
Пока идём по земле	203
Добраться до истины.....	204
«Фундаменталист».....	205
Тело. Душа. Дух.....	206
Молитва в эпоху прогресса.....	207
У Пречистого Образа	208
К Заступнице Небесной.....	209
К Деве Марии.....	211
Купина Неопалимая	212
Я слышу	213
Лампады тихий свет	214
Песня Ангелу-Хранителю.....	216
Не мешайте!	217
«Село Беседы. Встарь – усадьба Годунова...».....	218
Седьмая чаша	220
Молитвы к царственным и всем новомученикам и исповедникам российским	221

«Так вот какая ты, моя Елисавета...»	222
Не бойся дороги	223
Что-то с памятью?	224
Вечная пленница	225
Молитва блудницы	226
Плач из прошлого	227
В минуту искушения	228
На паперти	229
На свидание...	230
Паломница	231
Святки	232
На Троицу	233
Восхождение	234
На круги своя	236
Забывать вражду!	237
«Земля наша – шарик наш крохотный...»	238
Обратная связь	239
Где Небо ближе	240
Неизменное	241
Старательство	243
В грозу	244
Смена власти	245
Предрассветное	246
Свидание	247
К нам – гости!	248
«Мяется ум. Душа мяется...»	249
Закрывай скорее окно!	250
Незванный	251
«Тебе не в радость утро новое...»	252
К еретику	253
На войне	254
«Мне не надо приблудного счастья...»	255
Вечное отрицание	256
Мольба растерявшейся	257
Нельзя обижать плоть!	258
Помню	259
«Одуванчик расцвёл... Облетает!...»	260
На луговой вечерне	261
Это Он!	262

Вечная Пятница	263
Странница	264
«Так быстро все мы привыкаем к красоте...»	265
«Замкни уста нечистые свои...»	266
Благодарение	267
Пред свечой	268
Всмотритесь! Вслушайтесь!.....	269
Зов крови.....	270
Чумацкий шлях	271
Генетику. К размышлению.	272
По грибы-ягоды.....	273
Тривиальное	274
Время. Вечность и мгновения.....	275
Исчезающее время.....	277
Осколки прошлого.....	280
Я сочинила для свидания аллею	281
Я верю	285
Тишина	286
«А соловьи поют...»	287
«Я так хотела в радость быть...»	288

Было бы очень смешно, если бы...

Бабушки-Улины коржики	290
Сучок и бревно в глазе	292
Муха... Ухо... Суба... Сапка...	294
Какой губы, какой зубы!	295
Юра плюс Ньюра...	300
Грушевая роща.....	310
О голубка моя!	320
Двенадцать лет	332
Вопросы Доброму Пастырю.....	336

Список иллюстраций

- стр. 16-17 – раздел «ВЧЕРА» – «Безмятежность», х.м., 50х60, 2014 г.
стр. 48-49 – «Иду Старосадским пер. Ивановский монастырь», бум. пастель., 55х45, 2012 г.; «На Сретенку», бум. пастель., 55х45, 2012 г.
стр. 72-73 – раздел «НА КРОМКЕ ВРЕМЕНИ» – «Крещендо Октября. Аллея», х.м., 50х60, 2011 г.
стр. 176-177 – «Русское поле», х.м., 30х40, 2014 г.; «Рябина», х.м., 70х90, 2014 г.
стр. 192-193 – раздел «И НЫНЕ, И ПРИСНО...» – «К храму. Ромашковый луг», х.м. 50х60, 2013 г.
стр. 280-281 – «Монастырский пруд», х.м. 70х60, 2008 г.; «Ветки сирени в окне», х.м. 50х40, 2014 г.
стр. 288-289 – раздел «БЫЛО БЫ ОЧЕНЬ СМЕШНО, ЕСЛИ БЫ...» – «Музыка души. Когда флоксы грустят», х.м., 70х60, 2008 г.
стр. 336-337 – «Два парусника. Тишково», бум. пастель, 50х60, 2005 г.; «Время остановилось», бум. пастель, 50х60, 2005 г.
-

Луиза (Елисавета) Савинская БУДЕТ ДЕНЬ...

стихотворения и проза разных лет

Издатель – Светлана Арскова
Иллюстрации – Ларисы Жук
Художественный редактор – Лариса Жук
Вёрстка – Натальи Паниной
Обложка – Владимира Арбекова
Издательство ООО «Нонпарель»
www.litznak.ru

Подписано к печати 29.04.2015
Формат 60х90/16. Печ. л. 21,5.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в типографии ООО «Нонпарель»

ISBN 978-5-9903548-0-7

